

ПОЛОЖЕНИЕ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ЛИВАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1967–1991 ГГ.)

Д. Г. Шидловский

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, shydlouskidaniil@gmail.com
Научный руководитель – А. А. Кондраль, кандидат исторических наук, доцент*

Проблема палестинских беженцев возникает сразу же после арабо-израильской войны 1948–1949 гг. Палестинцы находят приют во многих арабских странах, но в большей степени их присутствие повлияло на соседние Израилью государства, в частности, на ситуацию в Ливанской Республике после 1967 г. Положение палестинцев в Ливане имело свои особенности, которые в последующем привели к событиям, сделавшим из «арабской Швейцарии» очередную конфликтную зону в регионе.

Ключевые слова: палестинские беженцы; Ливанская Республика; лагеря беженцев; гражданская война; Израиль; Организация освобождения Палестины.

Ливан к середине 1950-х – 1960-х гг. являлся одним из самых благополучных и экономически развитых государств Ближнего Востока. Благодаря либеральной экономической политике в Ливан активно поступали иностранные инвестиции, что позволяло быстрыми темпами увеличивать местный бюджет. Рост в экономике происходил в том числе и из-за развитого третичного сектора: сфер услуг, образования и сфера. Ливан, в первую очередь, был известен своими банками, которые считались одними из самых надежных в мире. Именно поэтому Ливан прозвали «арабской Швейцарией» [2].

В период с 1967 по 1971 гг. палестинская миграция в Ливан приобрела более массовый характер, чем это было в предыдущие годы. Причиной такому резкому увеличению палестинского присутствия в «арабской Швейцарии» стало ухудшение ситуации в Иудее и Самарии, а также в Иордании. В послевоенный период до 1971 г. в Ливан направились еще около семидесяти тысяч палестинцев. Теперь их численность в республике составляла около 240 тысяч человек. Нахождение палестинцев в южных регионах Ливана в конце 1960-х гг. вызвало первые столкновения на приграничных с Израилем территориях [1].

Из-за событий «Черного сентября» 1970 г. в Иордании в Ливан хлынуло огромное количество новых палестинских беженцев, а также Организация освобождения Палестины, которая была хорошо вооружена. Примерно 115 тысяч беженцев жили в лагерях, но более половины – в городах и предместьях, бок о бок с ливанцами. А в июне 1971 г. в Ливан

прибыли последние члены ООП, среди которых были и ее лидеры, в частности, Ясир Арафат [5].

Различные общины Ливана выразили противоречивую реакцию на прибытие палестинцев. Лидеры маронитов были настроены враждебно, опасаясь, что палестинцы, преимущественно мусульмане, решительно изменят баланс сил в Ливане в пользу мусульманских общин. Действительно, ливанские мусульмане были гораздо более гостеприимны, чем марониты или другие христианские общины. Для мусульман-суннитов палестинские вооруженные формирования стали отличной возможностью взять власть в стране в свои руки. Данная ситуация создала непростые взаимоотношения между ливанскими властями и палестинцами [6].

Для контроля ситуации с палестинскими беженцами было создано Агентство ООН по делам беженцев и трудоустройства, или же БАПОР. Данное Агентство считало организацию жилого пространства одним из главных способов обеспечения безопасности палестинцев в других государствах. Под жилым пространством БАПОР в первую очередь подразумевал лагеря для беженцев. В Ливане ситуация с лагерями стабилизировалась только к концу 1960-х гг. До этого палестинские беженцы были вынуждены перемещаться, под принуждением или добровольно, между различными лагерями, городами и деревнями [5].

Пространственное распределение лагерей БАПОР в Ливане было основано на трех принципах. По первому лагеря располагали в районах прибытия палестинцев, то есть вокруг прибрежных городов юга страны. Во втором случае беженцев размещали на пустующих территориях, на необрабатываемых землях, либо же в бывших армянских лагерях, которые были основаны в 1930-е гг. По третьему принципу палестинцам самим давали возможность выбирать место для размещения поселений, но, как правило, к такому прибегали очень редко [8].

Главной отличительной чертой населения лагерей в Ливане в период с конца 1960-х до середины 1970-х гг. была их крайняя молодость. То есть около 64 % от всей численности проживающих в лагерях составляла возрастная группа от 1 до 19 лет. Люди в возрасте от 20 до 49 лет насчитывали 28 % населения, а те, кто были старше 50 лет, являлись самой малой частью жителей – около 8 % [6].

В 1960-е гг. палестинцы в Ливане определялись как иностранцы, не имеющие документов из страны своего происхождения, поэтому ливанское Управление общей безопасности и Главное управление по делам беженцев в Ливане выдавали им карточки о временном или постоянном проживании и удостоверения личности соответственно. По этой причине у палестинцев возникает «особый статус», который не давал им полноту тех прав, которыми обладали ливанцы. Ситуация с «особым статусом»

палестинцев была разрешена подписанием Каирского соглашения в 1969 г. Договоренности предусматривали пересмотр установленных ограничений для палестинцев на проживание в Ливане. В том числе Каирское соглашение позволило палестинцам официально трудоустроиваться в республике [2].

Однако, получив право на работу, палестинец в Ливане в конце 1960-х – середине 1970-х гг. был ограничен в выборе профессии. А в 1982 г. для беженцев было даже специально выделено 50 профессий, на которые они могли бы устроиться. Например, работать врачом и фармацевтом палестинцам запрещалось в соответствии с Законом о взаимном лечении. Также палестинцы не имели права выхода на пенсию и на социальное обеспечение. Данная дискриминационная политика естественным образом вызывала напряженность в отношениях между палестинцами и ливанскими властями [4].

Такая напряженность существовала не только в социальной и экономической сферах, но и в политической. После того, как ООП в 1971 г. полностью передислоцировалось в Ливан, ситуация здесь только ухудшалась. Палестинское движение сопротивления периодически проводило атаки и рейды на израильскую территорию, что естественно вызывало ответные меры со стороны ЦАХАЛ [3].

В 1975 г. отношения между ООП и ливанским государством вошли в стадию вооруженного конфликта, который начался с атаки членов ливанской христианской националистической партии «Катаиб» на палестинцев в Бейруте, что в конечном итоге перетекло в пятнадцатилетнюю кровопролитную гражданскую войну. В ходе войны союзники ООП становятся их врагами, так как шииты юга Ливана считали действия палестинского сопротивления недостаточно радикальными и эффективными в борьбе с моранитской верхушкой. По итогу после израильского вторжения 1982 г. палестинское движение сопротивления теряет любые надежды на восстановление былого влияния в Ливане. Все приводит к тому, что палестинские вооруженные формирования были окончательно вытеснены из Ливана совместными действиями израильской армии и христианской милиции в 1991 г. [3].

Палестинские беженцы в период с 1967 по 1991 гг. становятся для Ливана причиной нестабильности и военных действий. В итоге ливанское руководство в конечном итоге посчитало их виновными в дестабилизации обстановки и обнаружило неуместным военное присутствие палестинских группировок внутри своего государства.

Библиографические ссылки

1. История Востока. В 6 т. Т. 5 / редкол.: Р. Б. Рыбаков [и др.]. М.: Восточ. лит., 2006.
2. Ланда Р. Г. История Ливана. XX век // Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2016.
3. Савичева Е. М. Ливанский кризис: Гражданская война и ненадежный мир // Вестник РУДН. 2008. № 2. С. 29–39.
4. Chaaban J. Socio-Economic Survey of Palestinian Refugees in Lebanon // American University of Beirut. Beirut. 2010. 105 p.
5. De Bel-Air, F. A political demography of the refugee question Palestinians in Jordan and Lebanon: between protection, forced return and resettlement. Fiesole: Badia Fiesolana, 2012.
6. Kamel Dorai M. Les réfugiés Palestiniens du Liban. Paris: CNRS Éditions, 2006.
7. Makdisi S. The Lebanese Civil War 1975–1990. London, 2005.
8. O'Donnel K. Living and health conditions of Palestinian refugees in an unofficial camp in the Lebanon: A cross-sectional survey // Journal of Epidemiology and Community Health. 2008. P. 91–121.